

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2018»
XIII Халықаралық ғылыми конференциясы

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

XIII Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2018»

The XIII International Scientific Conference
for Students and Young Scientists
«SCIENCE AND EDUCATION - 2018»

12th April 2018, Astana

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2018»
атты XIII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2018»**

**PROCEEDINGS
of the XIII International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2018»**

2018 жыл 12 сәуір

Астана

УДК 378

ББК 74.58

Ғ 96

Ғ 96

«Ғылым және білім – 2018» атты студенттер мен жас ғалымдардың XIII Халықаралық ғылыми конференциясы = XIII Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2018» = The XIII International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2018». – Астана: <http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2018. – 7513 стр. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-997-6

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 378

ББК 74.58

ISBN 978-9965-31-997-6

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2018

идеей духовного возрождения, нравственного прозрения героини. Таким образом, рассказ Л.Петрушевской «Черное пальто» – это современная интерпретация классического святочного рассказа, который дополняется новым содержанием и новыми психологическими смыслами.

Список использованных источников:

1. Быков Д. Л. Девочка без спичек [Электронный ресурс].<http://e-libra.ru/read/379232-devochka-so-spichkami-daet-prikurit.html>.
2. Даниленко Ю.Ю. Трансформация жанра рождественского рассказа в современной литературе (Д. Быков, Л. Петрушевская). // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. т. 12, С. 587–599.
3. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 113–127.
4. Петрушевская Л.С. Черное пальто // [Электронный ресурс] http://modernlib.ru/books/petrushevskaya_lyudmila/chnoe_palto/read.
5. Андерсен Г.Х. Девочка со спичками // [Электронный ресурс] http://andersen.com.ua/ru_devochka_so_spichkami.html

УДК 821.161.1

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ А.П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»)

Омирзак Алишер Канатович

aalisher98kaz@mail.ru

Студент 3 курса филологического факультета
ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель – Р.М.Мусабекова

Литературные памятники являются важным элементом в культуре любого цивилизованного народа. Литература отражает не только определенную историческую ситуацию, но и общественное сознание, настроение, характерные для этого периода, а также воспроизводит и сам портрет народа. Литературу, выражающую народный дух, принято называть «народной». В литературоведческих работах часто отождествляют литературу народную с литературой национальной. Однако это разные понятия: к первой можно отнести творчество писателей разных национальностей, которые освещают темы народной жизни, поднимают проблемы народов многонациональной страны.

Национальная литература – это литература определенной нации, где также затрагивается народная тема, но с акцентом на особенности менталитета.

Существует еще и другая литературная градация. Территория любого государства состоит из нескольких регионов, отличающихся друг от друга рельефом, климатом, бытовым укладом, социальной средой и др. Произведения, созданные в одной местности и отразившие ее уникальность, принадлежат к *региональной* литературе.

Работы по изучению национальной и региональной литературы в российской науке появились относительно недавно (в последней четверти XX века). При этом региональный аспект в теоретическом плане изучен меньше, чем национальный. Однако в творчестве многих писателей обнаруживаются эти аспекты, сознательно или нет, включенные в произведения. Термин «национальная литература» шире литературы региональной. Следуя работам ученых литературоведов (отождествляющих «народную» и «национальную» литературу), определим основные признаки этого понятия.

Главный компонент национальной литературы – отражение в ней особенностей

менталитета какого либо этноса. Психологический портрет нации, моральные нормы, связь с природой – все это, так или иначе, присутствует в произведениях о народе как едином целом. Также важна историческая составляющая. В литературе любой страны можно проследить отношение общества к своему прошлому непосредственно через произведения искусства, в частности, на примере художественных текстов.

Русская национальная литература всегда отличалась гуманностью, человеколюбием, победой добра над злом. Произведения о народе нередко построены на православных канонах. События чаще всего происходят на фоне конкретной исторической ситуации. Характеры персонажей наделены как отрицательными (лень, медлительность), так и положительными (отзывчивость, щедрость) чертам, свойственными русскому менталитету.

В национальную литературу входят литературы региональные. По поводу последнего термина существует несколько мнений. Например, А.Н. Власов включает в региональную литературу произведения, «созданные местными авторами и востребованные местными читателями» [1]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) региональная литература понимается как совокупность «произведений писателей, концентрирующих свое внимание на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей, ее населяющих» [2]. Помимо этого, литературоведы предлагают синонимичные понятия термину «региональная литература». Так, в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) зафиксировано понятие «местный колорит» (от франц. *couleur locale*) как «воспроизведение в художественной литературе особенностей национального быта, пейзажа, языка, свойственных сугубо определенной местности или области» [3]. В этом же издании приводится ссылка на бытоописательную тенденцию костюмбризма (от испан. *costumbrismo, costumbre* – нрав, обычай), в котором запечатлено «стремление к максимально точным описаниям природы, особенностей национальной жизни, нередко – с идеализацией патриархальных нравов и обычаев» [4]. Отчасти однородным с костюмбризмом понятием становится и веризм (от итал. *vero* – правдивый). Веристы при описаниях быта малоимущих социальных слоев, как известно, широко использовали народный язык и его диалектные проявления, что было необходимым средством иллюстрации натуралистической близости описываемых явлений и событий к реалиям не приукрашенной художественными средствами истинной человеческой природы. Кроме этого, существуют понятия «риджинализм», «веритизм», «зональная литература» и др. Несмотря на явные различия, вышеназванные определения образуют синонимичный ряд региональной литературы, где общий признак – географическое и социальное описание какой-либо местности.

Воплощение национального и регионального аспекта можно проследить на примере книги А.П. Чехова (1860–1904) «Остров Сахалин» (1895). Известное не только в России, но и за рубежом, это произведение открыло миру русскую душу, сострадающую и сочувствующую. Сострадание, умение видеть боль другого – русские национальные черты. В «Острове Сахалин» эти качества показаны через ощущения автора. С первых впечатлений писателя об острове и далее на протяжении всего произведения можно уловить переживания А.П. Чехова о каторжных, вольных поселенцах, об острове как части России, а также о самой России.

В книге «Остров Сахалин» нашла отражение, прежде всего, тяжелая жизнь каторжан и поселенцев, у которых «чувствуется отсутствие чего-то важного» [5]. Каторжанам «не достает прошлого, традиций», у них «нет обычаев», «а главное, нет родины». Такому настроению способствуют климатические условия («Хорошая погода бывает здесь очень редко»), особенности рельефа («берег совсем отвесный, с темными ущельями и с угольными пластами... мрачный берег!»). Почти каждый прибывший на Сахалин руководствуется фразой: «У нас в России лучше» [5]. Это сравнение создает еще больший разрыв между материком и островом, отделяет Сахалин от России.

В чеховской книге часто встречается скрытое противопоставление «русский – нерусский», своеобразная антитеза «Россия – Сахалин». Этот художественный прием заявлен на первых страницах произведения во время посещения А.П. Чеховым

Николаевска. Из-за отсутствия в городе гостиницы писатель обедал в собрании, где стал невольным свидетелем разговоров находившихся там посетителей. «Если внимательно и долго прислушиваться, – делает выводы А.П. Чехов, – то, боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Во всем чувствуется что-то свое собственное, *не русское* не говоря уже об оригинальной, *не русской природе*, мне всё время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам и мы, приезжие из России, кажемся *иностранцами*» даже «нравственность здесь какая-то особенная, *не наша*» [5]. А.П. Чехов, подобно другим жителям центральной России, не ассоциирует остров с материком как частью Российского государства. Для него Сахалин – это неизведанная, другая земля.

А.П. Чехов часто употребляет сочетания «на наш русский аршин», «в наших русских деревнях», «русское поле», «русский царь» [5] и др., проводя параллель между *Россией* и *не Россией*, большой и малой землей.

Однако на острове писатель видит и то, что роднит его с Российским государством, – веру, благодаря которой люди не дают себе опуститься, преодолевают нечеловеческие мучения, а, преодолев их, начинают жить сначала. Для верующих на Сахалине возведены церкви. И А.П. Чехов часто упоминает их: «На берегу несколько домиков и церковь» [5]; «в шести верстах от Дуэ по соседству мало-помалу стала вырастать резиденция: помещения для чиновников и канцелярий, церковь»; «главную суть поста составляет его официальная часть: церковь, дом начальника острова, его канцелярия»; «серая деревянная церковь»; «белеет церковь, старой, простой и потому красивой архитектуры» [5] и др. Как видно из примеров, описание какого-либо поселения, поста А.П. Чехов нередко начинает именно с указания на наличие или отсутствие церкви, что свидетельствует о важности веры в духовной жизни людей.

Известно, что на Сахалине жили представители различных конфессий и вероисповеданий (остров был и остается полинациональным), которые, однако, мирно соседствовали друг с другом. Вот как об этом пишет А.П. Чехов: «Католики жаловались мне, что ксендз приезжает очень редко, дети подолгу остаются некрещеными, и многие родители, чтобы ребенок не умер без крещения, обращаются к православному священнику. Когда умирает католик, то, за неимением своего, приглашают русского священника, чтобы он пропел «Святой Боже» [5].

Затронув религиозную тему, нельзя не сказать о такой особенности Сахалина, как его многонациональность (что и является причиной большого количества религий на острове). Богатый этнический состав Сахалина обусловлен тем, что ксылке приговаривали независимо от национальной принадлежности. «Здесь жители, – описывает А.П. Чехов одну из деревень, – это беспорядочный сброд *русских, поляков, финляндцев, грузин*» [5]. С одной стороны, такое смешение не мешало поддерживать человеческие отношения, а, наоборот, способствовало ассимиляции культур; с другой – люди не стремились обживать эту землю, так как для каждого она была чужой, временным, как в это верили люди, местом пребывания.

«Здесь сельские жители еще не составляют обществ. Взрослых уроженцев Сахалина, для которых остров был бы родиной, еще нет, старожилы очень мало, большинство составляют новички; население меняется каждый год; одни прибывают, другие выбывают; и во многих селениях, как я говорил уже, жители производят впечатление не сельского общества, а случайного сброда. Они называют себя братьями, потому что страдали вместе, но общего у них все-таки мало и они чужды друг другу. Они веруют не одинаково и говорят на разных языках. Старики презирают эту пестроту и со смехом говорят, что какое может быть общество, если в одном и том же селении живут русские, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?...» [5].

На Сахалине, который увидел А.П. Чехов, не было определенного уклада, каждый из поселенцев и каторжан жил по-своему. Пример этому – описание А.П. Чеховым сахалинского быта: «На Сахалине попадают избу всякого рода, смотря по тому, кто строил

– сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего – это небольшой сруб без всяких наружных украшений, крытый соломой / Двора обыкновенно нет. Возле ни одного деревца. Если есть собаки, то вялые, не злые/ И почему-то эти смиренные, безобидные собаки на привязи. Если есть свинья, то с колодкой на шее. Петух тоже привязан за ногу.

– Зачем это у тебя собака и петух привязаны? – спрашиваю хозяина.

– У нас на Сахалине все на цепи, – острит он в ответ. – Земля уж такая» [5].

«Такая» – значит, иная, другая, чужая. Нежелание людей признавать остров частью России объяснимо его назначением. Сахалин как место ссылки на рубеже XIX – XX веков вызывал у русских негативные эмоции, страх, вселял ужас. Тяжелые впечатления способствовали аналогичному восприятию писателем сахалинской природы. «С высокого берега, – пишет А.П. Чехов, – смотрели вниз чахлые, больные деревья; здесь на открытом месте каждое из них в одиночку ведет жестокую борьбу с морозами и холодными ветрами, и каждому приходится осенью и зимой, в длинные страшные ночи, качаться неутомно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть, – и никто не слышит этих жалоб» [5]. Как природные жалобы остаются без ответа, так и стоны людей, караемых законом и окружающей действительностью, не доходят до высокого начальства. Но чеховские сахалинцы, словно деревья, отстаивают своё право на жизнь, а порой и на существование. Таким удручающим настроением пронизан весь «Остров Сахалин», потому что так прочувствовал Сахалин А.П. Чехов.

Таким образом, в путевых записках А.П. Чехова «Остров Сахалин» можно условно выделить «большой» (Россия) и «малый» (Сахалин) миры, «центральный» и «региональный» концепты, которые воплотились в следующих признаках:

1. Особенности русского менталитета. Первые впечатления иной, «не русской» жизни от Николаевска меняются у А.П. Чехова по мере узнавания реальной ситуации на Сахалине. А.П. Чехов видит воров, убийц, опустившихся в нравственном и физическом смысле людей. Но, в то же время, ему открывается каторжанин верующий, терпимый, любящий Россию. Писатель видит на острове своеобразную модель Российского государства, где важную роль играет церковь и где мирно уживаются представители разных этнических групп. В этом проявляются такие черты русского человека, как соборность и толерантность.

2. Историческая достоверность. А.П. Чехов в письменной форме зафиксировал историю каторги в ее наиболее активный период. Книга произвела переворот в общественном сознании, так как была создана очевидцем тех событий.

3. Социальная составляющая. Население острова полинационально. Это благоприятствует взаимопроникновению и обогащению культур, учит видеть в человеке личность без внимания к этнической принадлежности. Формируется особый микроклимат. Но, несмотря на то, что осужденным предстоит провести на острове определенную часть своей жизни, Сахалин остается для людей временным пристанищем, что накладывает отпечаток на все сферы быта, объясняя бесхозяйственность, равнодушное, потребительское отношение к природным богатствам острова.

4. Природный компонент. Удрученный тяжелыми обстоятельствами ссыльных, А.П. Чехов мало внимания уделил сахалинской природе. Но и тем немногочисленным описаниям, отразившим уникальность сахалинского климата и ландшафта, присущи серые, унылые, безрадостные тона.

Книга А.П. Чехова «Остров Сахалин» – не столько о каторге и ее нравах, сколько о русском обществе в целом, о его моральной и нравственной стороне в несколько иных условиях.

Список использованных источников:

1. Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения-1995. Сборник научных докладов // Музей-заповедник «Кижи». – Петрозаводск, 1997. С. 12.
2. Николукин А.Н. Региональная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николукина. – М., 2001. С. 864.

3. Вентцель Т.В. Местный колорит // Литературный энциклопедический словарь / Под общ.ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М., 1987. С. 217.
4. Лакшин В.Я. Костюмбризм // Литературный энциклопедический словарь / Под общ.ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М., 1987. С. 169.
5. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок). – Владивосток – Южно-Сахалинск, 2010. С. 41.

УДК 821.161.1

МОТИВЫ И ОБРАЗЫ «ФАУСТА» ГЁТЕ В РОМАНЕ «МАСТЕР И МАРГАРИТА» МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Сулейменова Мадина Олжасовна

madina1706@mail.ru

Студентка 3 курса филологического факультета

ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – Р.М.Мусабекова

Важнейшим атрибутом современного мирового литературоведения стало изучение литературы как взаимодействия различных эпох, культур, а также отдельных художественных произведений во всём многообразии их контекстуальных и интертекстуальных связей. При этом необходимо признать особую роль в этом процессе тех литературных памятников, которые в силу разных причин обладают повышенным «магнетизмом» для художников последующих эпох. Среди таких произведений особое место занимает трагедия И.В. Гёте «Фауст», которая по самой своей природе является, на наш взгляд, уникальным культурным «перекрёстком», ведущим диалог, с одной стороны, с уже сложившимися культурными парадигмами (античной, средневековой, ренессансной), а с другой – с теми вечными проблемами, архетипическими смыслами, которые уходят своими корнями в миф, в первую очередь библейский, что позволяет определить книгу немецкого классика как своеобразную «квази-Библию» мировой литературы.

Трагедия «Фауст» была одним из самых любимых произведений Михаила Булгакова. Фаустовские реминисценции в самом знаменитом, «закатном» булгаковском романе очевидны. Неудивительно, что множество исследователей, изучая, роман Булгакова и творчество Гёте, сравнивают именно «Мастера и Маргариту» и «Фауста» - эта параллель достаточно изучена в булгаковедении.

Название «Мастер и Маргарита» уже в самом начале заявляет темы творчества и любви — центральные темы в романе. Но эти темы далеко не исчерпывают многослойного философского содержания произведения. М. Булгакову понадобился еще и эпиграф, чтобы «ввести» в текст философскую проблематику — тему противостояния добра и зла, а также «заявить» еще одного главного героя — Воланда.

Эпиграф к роману, появившийся в 1938 году, взят из трагедии И.В. Гете «Фауст»:

...Так кто ж ты, наконец?

— Я — часть той силы,

Что вечно хочет зла

И вечно совершает благо. [1]

Эпиграф предопределяет универсальный жанр, жанровую структуру романа М. Булгакова, его философско-этическую проблематику, трагическое звучание. См. вывод А.И. Ванюкова о функции эпиграфа в романе: «Булгаковский эпиграф из “Фауста” Гете включает в себе ориентацию на оригинальное двухчастное произведение, свободно сочетающее в себе землю и небо, день и ночь (Вальпургиева ночь), поле и кабинет, винный погребок и кухню ведьмы, девичью комнату и тюрьму, императорский дворец и древнюю Спарту, Фауста и Мефистофеля, Маргариту и Елену, телесное и духовное, театральное и мистическое,